

РАЗНЫЕ ТАЙНЫ ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА

(Окончание. Начало на 16 — 17-й стр.)

Того, что я зарабатываю, мне хватает на жизнь, на еду, одежду, на то, чтобы поддерживать в приличном состоянии имеющееся в доме. На новые приобретения, наверное, уже не способен ни по финансам, ни по возрасту: нет желания и нет нужды. У меня есть стихотворение, которое кончается строчками: "В дорогу ничего я не купил, да в этот путь и ничего не нужно", — имеется в виду последний путь. Не знаю, сколько еще лет мне отведено. Но, естественно, хочу, чтобы в оставшиеся годы я не был бомжем, не просил милостыню.

С другой стороны, мое положение исключительно потому, что я один из немногих кинорежиссеров, которого знают в лицо. Поэтому, когда инспектор ГАИ меня останавливает за превышение скорости, — это единственный мой автомобильный грех, потому что соблюдаю правила уличного движения и вообще очень законопослушный человек, — то говорит: "Ай-я-яй, Эльдар Александрович! Над чем работаем? Ну, езжайте, но будьте осторожны".

А вот герои моего фильма "Привет, дуралеи!" — интеллигенты, которые в сегодняшнюю жизнь не вписались. Нет у них на это ни моральной, ни материальной возможности, каждый занимается не своим делом. И тем не менее они прекрасны, потому что способны на любовь. Я считаю, что любовь — такой же редкий талант, как умение писать музыку, сочинять книги, стихи, рисовать картины. Очень многие люди настоящей любви не испытали, как мне кажется. Иногда за нее принимают секс, случайно возникшие связи — словом, эрзац. А любовь — это когда человек может отдать жизнь за другого.

— Вы сами заговорили о любви. Вам ведь везло в жизни на любящих женщин?

— Мне везло. Но, может быть, у меня просто был режиссерский глаз на них? Нина была, по сути дела, редактором всех моих картин, замечательным помощником, через нее проходили все замыслы. И то же самое происходит сейчас с Эммой: она редактирует, подбирает фотографии, подсказывает, про что надо говорить. Так что мне везет на женщин одновременно и умных, и очаровательных, и обаятельных. Но я отношу это к собственным заслугам. В том смысле, что я таких женщин нахожу.

— С внуком Митей вы дружны?

— Мы с ним мало видимся, к сожалению: я очень занят, и живем мы в разных местах. Но этим летом хочу его взять с собой на Валдай, чтобы вместе и на лодочке походить, и рыбку половить. Валдай — это еще одно свидетельство моего жуткого и совершенно страшного характера. Как-то раз мы с Ниной отдыхали на Валдае, жили в доме отдыха. Помню, была плохая погода и мы отправились гулять по деревне. Смотрю: хороший косогор, с него замечательный вид на озеро. И говорю: "Удачное место для дома". Дошли мы до озера, возвращаемся. Я вслух рассуждаю: "А почему вообще для дома? Почему не для нашего?" Друзья заахали: "Да ты сошел с ума, зачем тебе тут дом — это же четыреста километров от Москвы?!" Коротче говоря, через три месяца там стоял дом. Он деревянный, скромный, называю его "рыбачья хижина". Стоит на берегу озера, на косогоре, отовсюду виден. Обживали мы его уже с Эммой, очень его любим. Там лес, грибы, ягоды, рыбалка, купание: Чонкин у нас плавает во главе, за ним — Эмма, она замечательная пловчиха, а потом уже я пыхчу. У нас Чонкин — как бы разведывательный катерок, Эмма — легкая миноноска, а я — тяжелый крейсер, линкор.

— А что в вашей жизни значит пес Чонкин?

— Ну, Чонкин — это как ребенок. Замечательное существо! У него прекрасный характер, превосходный аппетит, что нас с ним роднит. Появился он у нас так. Я должен был делать картину о Чонкине по роману Войновича, это сорвалось, вдруг образовалось свободное время. А я давно мечтал о собаке. И мы с Ниной взяли и купили месячного щенка ризеншнауцера. И назвали его Чонкин. Хотя по каким-то собачьим правилам его надо было назвать на букву "И". Но тут я вспомнил, что Чонкина в романе зовут Иван Васильевич, так что у нас Иван Васильевич Чонкин. Он действительно понимает все, что при нем говорят. Но когда хотим от него законспирировать, произносим: "Да, имя Ивана Васильевич придется сделать те-то-то..." Это пес к себе не относит, а вот обращение "Чонкин" понимает замечательно. Да, Чоник? Ну вот, сами видите, какой это умища и хороший парень. Он добрый, приветливый, очень любил людей. Но вид у него грозный. Когда Чонкин бежит навстречу какому-то идущему человеку, тот замирает в ужасе. А Чонкин всего лишь хочет обнюхать, познакомиться и еще прыгнуть и поостараться чмокнуть.

— С фильмом "Привет, дуралеи!" вы разъезжаете по разным городам. Решили взять рекламную кампанию в собственные руки?

— Это не только рекламная кампания, а одновременно и заработок, если бы его не было, стало

бы очень скверно. А тут люди приходят, платят деньги за билет, что-то перепадает и мне. Иначе как? Когда я ничего не делаю, я пенсионер. Пенсия у меня — триста семьдесят тысяч. Кормит некая моя многоплановость: работаю на телевидении, езжу и встречаюсь со зрителями, что-то печатаю, издаю книжки. Если бы режиссер моего уровня, режиссер, чьи фильмы так часто крутятся, показываются, жил за рубежом, был бы миллионером. Там у меня был бы особняк на Лазурном берегу во Франции, квартира в Париже, вилла в Голландии и так далее. Увы! Правда, я в таких случаях всегда вспоминаю Мстислава Ростроповича, которого безмерно уважаю и перед которым преклоняюсь. Вот у него есть квартиры в Нью-Йорке, Париже, Москве, дача в Финляндии и еще где-то. Но на самом-то деле он бомж. Живет в самолете! На хрена ему это все, извините за грубость, нужно, если ему некогда там бывать? Конечно, это своеобразный взгляд на Ростроповича, которого я, повторяю, очень люблю. И дай ему Бог как можно больше всего и самое главное — здоровья и чтоб талант его не скудел. Но он бомж. А я нет.

— Вы и Самару посетили — город, где родились. Соскучились по родным местам?

— В Самаре каждый год проходит фестиваль, где президентом Вася Аксенов, фигура очень привлекательная. И многие деятели культуры приезжают туда ради него. Ну и, потом, я в Самаре родился, это мой город, где мне хорошо, где у меня много родных: есть случаи повидаться с родственниками.

А в этот раз в Самаре устроили еще и мой антиюбилей. Нельзя праздновать день рождения до того, как он случился. Поэтому торжество и назвали "Антиюбилей Эльдара Рязанова, или Сто шестьдесят четыре дня до семидесяти". Было праздничное шутивное действо, я там пел, танцевал, в балете участвовал в качестве поддержки у солистки, которая танцевала "Умиряющего лебедя", дирижировал оркестром, читал стихи, отвечал на вопросы, в общем, участвовал очень активно. И мэр Самары на этом празднике подарил мне свидетельство о моем рождении — подлинный документ.

— Вы никогда впрямую не занимались политикой. Хотя как-то обмолвились, что готовы вступить в "партию порядочных людей", если такая появится. Ваши взаимоотношения с политикой сегодня?

— Я исключил политику из своей жизни. Мне это неинтересно. Конечно, интересуюсь, кто что собой в политике представляет, кто будет нашим будущим президентом. Но сам в политике не участвую, жалко тратить на это время. С удивлением и изумлением смотрю на Говорухина: на что человек тратит свою жизнь? Хотя это его дело, я его не осуждаю. Но и не понимаю.

Просто убедился в одном: каждый должен делать свое дело и, по возможности, делать его хорошо. Если хотя бы восемьдесят процентов нашего населения будет вести себя так, у нас будет замечательная и потрясающая страна. Но я могу отвечать только за себя, за Чонкина и за Эмму. В какой-то степени надеюсь, что и внук вырастет таким. Вот и все, больше я ничего поделать не могу.

Ни в одной партии не был, не состоял, не участвовал. И не буду состоять. Потому что даже если объявится "партия порядочных людей", то еще неизвестно, какие тут будут критерии, кто генеральный секретарь. И то будет отбирать порядочных людей. На этом деле тут же начнут делать карьеру, брать взятки. Представляете замечательный сюжет: чтобы вступить в "партию порядочных людей", оргкомитету нужно будет дать взятку!

— Остается задать вопрос, с которым к вам обращаются гаишники: "Над чем работаем?"

— Есть идеи насчет фильма — их несколько. Но нет денег. Сочинять что-то без перспективы реализации не хочется. Я в каждом интервью или с экрана телевизора говорю: если найдется какой-нибудь человек, который удивится, почему я не работаю, и даст денег на картину, я всегда готов. Не нашлось ни разу! Тут вдруг после вечера в Кинотеатре получил записку: "Я вас обожаю!" Мужичина писал. Переворачиваю эту его визитную карточку — на обороте название какого-то банка. Как — банк? Надо немедленно звонить! Но потом обнаруживаю, что этот человек там — всего лишь юрисконсульт. И материального толку от его обожаения никакого. Хотя приятно.

— В этом году вам исполняется семьдесят. Какой подарок хотели бы получить на юбилей?

— Были какие-то мечты, которые не состоялись. Например, мне очень хотелось иметь небольшой катер, чтобы плавать по Волге, по озерам, путешествовать. Но тут же вставала проблема: где хранить катер, чтобы не украли? Такой подарок — бесспорная маниловщина. Конечно, хотелось бы здоровья. И, повторюсь, хотелось бы, чтобы какой-то человек, или организация, или государство предложили бы мне миллиардов шесть-семь рублей с условием: ставьте картину, какую хотите. Вот это был бы замечательный подарок. Я бы поставил еще один фильм. А загадывать дальше — это уже нахальство.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА.